

НЕУДАЧНАЯ ЭВАКУАЦИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ
СТРАНИЦЫ!

(Продолжение,
начало в № 1 — 4 за 1995 г.)

Вторая половина 1942 года для института была самой тяжелой за время всей войны. Как известно, в конце 1942 года развернулась грандиозная битва за Кавказ. Первого августа противник был на подступах к Ставрополю. Только в это время институт приступил упаковывать и отправлять ценное оборудование на вокзал, где формировался эшелон для эвакуации по железной дороге. Никто из ответственных работников института не знал обстановки, хотя бы в общих чертах. Вот что писал в объяснительной записке доцент Б. Г. Имбс, руководивший этой операцией, по поводу неудавшейся эвакуации института: «...Вместе с этим эшелоном должен был выехать и я. Но к вечеру первого августа было получено распоряжение о том, чтобы из студентов сформировать рабочий батальон и отправить рыть окопы. В институте было решено отправляющийся эшелон поместить только семьи с малыми детьми, а все фактически способные работать должны были оставаться в городе для рытья окопов. Такой батальон был сформирован, и я вошел в его состав. Утром третьего августа из райисполкома нам сообщили, чтобы мы были готовы к отправке на рытье окопов под село Московское, а примерно в 10 часов утра райсовет по телефону, после первой бомбежки города, сообщил, что окопы будут рыться под городом. В 12 часов дня немцы совершили второй налет на город. Я в это время находился в институте. С 12 часов дня связь с райсоветом была прервана. Я не мог найти ни председателя, ни его заместителя. В три часа дня немцы совершили третий налет на город, во время которого я был в институте. Никто из нас не представляла, что немцы так близко, предполагая, что это только бомбежка. Всеяд за бомбежкой немцы неожиданно вторглись на танках в город. Такая неожиданность и послужила причиной того, что я не смог эвакуироваться».

Примерно так же излагал эти события и начальнику эшелона по эвакуации института А. Д. Сипол — доцент кафедры физики и мелiorации. Он пи-

сал: «В конце июля я получил эвакуационный листок (удостоверение от Ставропольского СХИ), чтобы с оборудованием института направиться в станицу Аполлоновскую (Георгиевского района) для расквартирования эвакуированных сотрудников института.

Ночью, 31 июля, на станция погрузили в два вагона оборудование и несколько семей. На другой день, утром, первого августа, составили поезд, останова была за паровозом, но он не появлялся. Мы терпеливо ждали отправления и волновались. Второго августа секретарь парткома института тов. Ломтев приехал на грузовой машине и забрал свою семью и семью директора института тов. Козель. Мы почувствовали что-то неладное и тоже хотели бросать вагоны, но тов. Ломтев уговорил остаться и не создавать «шанники». Далее Сипол пишет, что Ломтев еще раз появился на грузовой машине и еще забрал несколько семей, и продолжает: «Около полуночи, а это было третьего августа, налетели на город немцы, и началась бомбежка. Звание вокзала и вагоны начали гореть. Мы спрятались в погребе около вокзала. Четвертого августа, утром, увидел, что на вокзале уже хозяйничают немцы. Появился приказ немецкого командования, требующий явки всех служащих в свои учреждения и регистрироваться там».

Спустя два месяца, первого октября, в институте начались занятия. Обязанности директора исполнял профессор А. Ф. Лопренс, заведующий кафедрой механизации сельского хозяйства.

Кстати сказать, что те семьи, которые были увезены на грузовой машине Ломтевым, через несколько дней возвратились в Ставрополь, а Козель и Ломтев самозакурировались в сторону Ораджоникидзе.

Окупирав Ставрополь, немцы приступили к установлению «нового порядка», который начался с арестов коммунистов, комсомольцев, советских патриотов, расстрелов. Окруженные фашистских палачей в Ставрополе погибло более 10 тысяч человек. Запущены в душегубках и были расстреляны М. А. Крымская — зав. кафедрой физиоло-

гии сельскохозяйственных животных, доцент, вместе с шестилетним сыном, муж которой доцент Н. А. Смирнов ушел на фронт. Е. А. Отрavsкая — библиотечкарь, Г. З. Баранов — зав. студенческой столовой, Н. И. Золотаревский, окончивший институт и получивший специальность зоотехника.

Возвратив институт в свое расположение, заставив продолжать учебный процесс, оккупанты преследовали трюковую цель: во-первых, показать, что они дают доступ к культуре и образованию; во-вторых, люди заняты делом, находясь на виду, по отношению к ним в любой момент можно поступить по усмотрению оккупационных властей (арестовать, уничтожить, угнать в Германию, заставить работать и т. д.); в-третьих, то, что подконтрольный народ будет отвлечен от партизанского движения и других противодействий оккупационным властям.

Контроль за порядком в институте по выполнению требований оккупационного режима осуществлялся представителем немецкой инспекции некими профессором Вальтером, который постоянно находился в институте.

Учебный процесс проводился по старым, существовавшим до этого учебным программам, только были исключены общественные науки и военное дело, а также моменты политического характера в других дисциплинах.

С 23 ноября по 5 декабря 1942 года проводилась зимняя экзаменационная сессия для студентов зоотехнического факультета, которую держал 44 человека I курса, 40 человек III курса и 33 — IV курса. Первый курс зоотехнического факультета (104 человека) и второй курс агрономического факультета (34 человека) к экзаменам не привлекались.

Во время оккупации в институте оставалось 25 профессором и преподавателей. Не обошлось и без прислаужников перед оккупантами. Боясь ответственности за свои антиеврейские поступки, во время отступления немецко-фашистских захватчиков ушли с ними доцент Э. И. Кардымович, ассистент Е. И. Галкин и преподаватель немецкого языка М. А. Репников.

Е. ШЕВЧЕНКО.